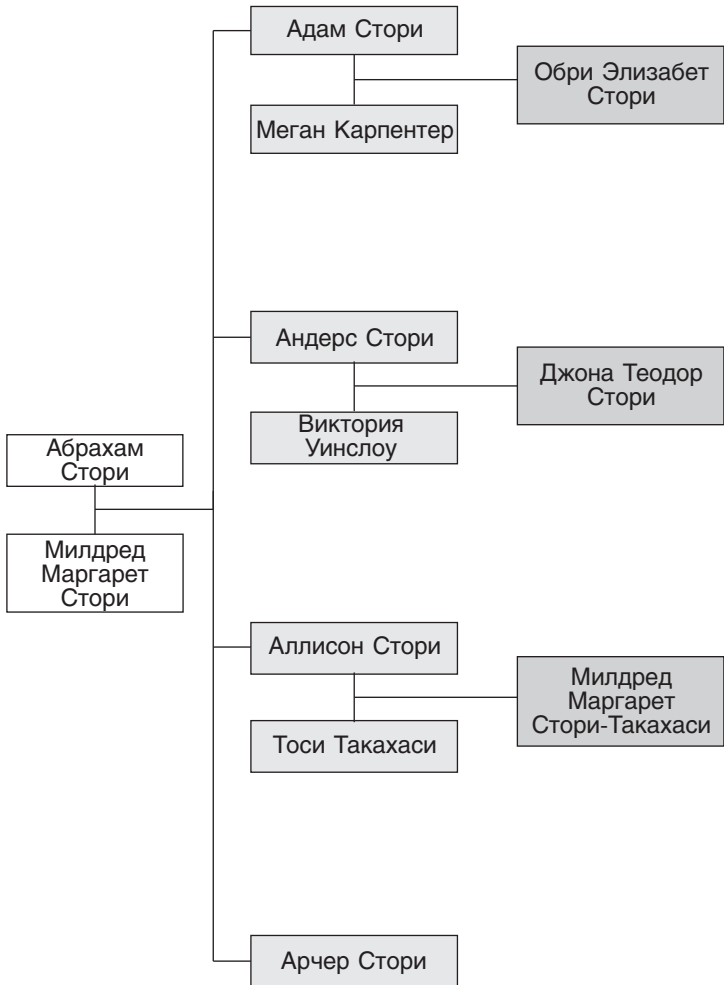

Этот роман является художественным вымыслом. Имена, персонажи и события придуманы автором. Любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, событиями или местами случайно.

Посвящаю Линн

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО СТОРИ

Милли

Я в очередной раз опаздываю к назначенному времени, но не по своей вине — просто кое-кто решил поумничать.

— Милдред? Так могут звать какую-нибудь бабулю. Причем совсем даже не клеую.

Глубокомысленное изречение. Как будто за все мои семнадцать лет еще никто не заметил, что имя у меня не из модных. Только банкир с Уолл-стрит с зализанными волосами и кольцом на мизинце первым додумался отпустить такой комментарий ради поддержания разговора.

— Меня действительно назвали в честь бабушки, — замечаю я в ответ, допив остатки своей сельтерской.

Мы в стейк-хаусе в центре. Дожливый апрельский вечер, шесть часов, время скидок. Я стараюсь слиться с толпой. Это у нас с подругами такая игра. Мы ходим в бары при ресторанах, чтобы не тормознули на входе с проверкой документов. Надеваем самые простенькие платья, побольше макияжа... Заказываем сельтерскую с лимоном — «маленький бокал, пожалуйста, я не то чтобы очень хочу пить» — и оставляем чуть-чуть на дне, а потом ждем, пока кто-то не предложит угостить чем-нибудь. Желающие обязательно находятся.

Прилизанный улыбается, зубы у него чуть ли не светятся в полутьме — видно, что он регулярно их отбеливает.

— Мне нравится. Так контрастирует с вашей молодостью и красотой... — Он придвигается ближе. От него резко, до головной боли, пахнет одеколоном. — У вас интересные черты лица. Откуда вы?

М-да... Чуть лучше «Чем занимаетесь?», как спрашивают иногда, но все равно банально до отвращения.

— Из Нью-Йорка, — отвечаю я подчеркнуто. — А вы?

— Я имел в виду — родом, — поясняет он, и это становится последней каплей. С меня хватит.

— Из Нью-Йорка, — повторяю я и встаю с барного стула. Весь разговор был ни к чему — я уже собиралась уходить, а коктейль перед ужином в любом случае не лучшая идея.

Поймав взгляд моей подруги Хлои на другом конце бара, я машу ей на прощание. Уже хочу уходить, но тут Прилизанный касается своим бокалом моего.

— Могу я угостить вас чем-нибудь?

— Нет, спасибо. Меня ждут.

Прилизанный недоволено — очень недоволено — хмурит свой ботоксный лоб. Насколько это возможно, конечно. У самого складки на щеках, морщинки у глаз, а еще подкатывает. Неужели не понимает, что слишком стар даже для студентки колледжа, которой я притворяюсь?

— Чего тогда мне голову морочила? — ворчит Прилизанный, уже посматривая поверх моего плеча и выискивая взглядом следующую цель.

Хлое такие игры по душе — она говорит, что мальчишки из школы слишком незрелые. Это верно, но мне иногда кажется, что лучше уж не знать, насколько хуже они становятся с возрастом.

Выловив из бокала дольку лайма, я сжимаю ее пальцами. В глаза специально не целюсь, но все равно слегка разочаровываюсь, когда сок брызгает Прилизанному только на воротник.

— Извините, — говорю я кротко, роняя дольку обратно в бокал и ставя его на стойку. — Просто здесь так темно — когда вы только подошли, я приняла вас за своего отца.

Как бы не так. Мой папа куда симпатичнее. И он не козел, в отличие от тебя. Прилизанный раскрывает рот, но я проскальзываю мимо и оказываюсь за дверью, прежде чем он успевает что-то сказать.

Нужный мне ресторан прямо через улицу. Администраторша приветливо улыбается, когда я показываюсь в дверях.

— Чем могу помочь?

— Меня ждут. Аллисон...

Девушка смотрит в журнал посетителей перед собой и слегка сдвигает брови, так что на переносице появляется маленькая морщинка.

— Не вижу такой...

— Может быть, Стори-Такахаси? — предполагаю я.

Родители разошлись до странного мирно, и первое тому доказательство — мама оставила двойную фамилию. «Ну, ты ведь ее носишь, — как объяснила она четыре года назад, когда развод состоялся окончательно. — Да и я привыкла».

Морщинка на лбу администраторши залегает еще глубже.

— Тоже не нахожу.

— А просто Стори?

Та наконец светлеет лицом.

— О да, вот! Прошу за мной.

Захватив два меню, она направляется через зал ресторана. Мы лавируем между застеленными белыми скатертями столиками, пока не оказываемся возле угловой кабинки. Стена здесь зеркальная, и сидящая на одном из диванов женщина, потягивая белое вино, то и дело исподтишка придирчиво оглядывает свое отражение и поправляет одной ей заметные огрехи в прическе.

Я падаю на диван напротив. Администраторша кладет перед нами несуразно огромные красные папки меню.

— Значит, сегодня просто Стори? — интересуюсь я.

Мать дожидается, пока администраторша уйдет.

— Не хотелось лишний раз повторять, — вздыхает она.

Я поднимаю бровь. Обычно мама, наоборот, не спускает никому, кто якобы не в состоянии правильно произнести или записать японскую фамилию папы.

— Почему? — спрашиваю я, хотя знаю, что ответа не получу. Сперва придется выслушать обычный каскад замечаний в собственный адрес.

Мать отставляет бокал. На запястье звякают с десяток золотых браслетов. Она вице-президент по связям с общественностью в ювелирной компании, и носить главные вещи сезона — одна из дополнительных приятных привилегий ее работы. Цепкий взгляд обегает мою фигуру, отмечая переизбыток макияжа и обтягивающее синее платье-футляр.

— Куда это ты ходила в таком виде?

«В бар напротив».

— На выставку, с Хлоей.

У ее матери художественная галерея, и мы с подругами постоянно там завигаем. Якобы.

Мама снова берет бокал и делает глоток. Глянув на свое отражение, опять поправляет волосы, стянутые в тугой пучок. Распушенные, они ниспадают темными волнами, однако, как она любит повторять, до беременности волосы были гладкими как шелк, а потом огрубели. По-моему, она так и не смогла мне этого простить.

— Я думала, ты готовишься к экзаменам.

— Я готовилась. До того.

Она сжимает бокал так, что белеют костяшки на пальцах. Я уже жду обычного: «Милли, ты не можешь закончить одиннадцатый класс со средней оценкой меньше четверки! Это на грани посредственности! Мы с твоим отцом слишком много в это вложили, чтобы вот так выбросить все на ветер!»

Будь у меня хоть какой-то интерес к музыке, я бы так и назвала свою группу — «На грани посредственности», в честь излюбленного мамино предупреждения. В том или ином виде я слышу его уже три года. Моя школа штампует студентов «Лиги плюща» пачками, и то, что я в своем классе где-то сильно ниже среднего уровня, — вечное мамино проклятье.

Однако нотации почему-то не следует. Вместо этого мама протягивает свободную руку и неловко, как марио-

нетка в руках неопытного кукольника, похлопывает меня по ладони.

— Ну, вообще тебе очень идет.

Я тут же внутренне напрягаюсь. То, что мама пригласила меня в ресторан, уже достаточно странно, но комплиментов от нее и вовсе никогда не дождешься. И уж тем более ласк. Готовит меня к чему-то, что я боюсь услышать?

— Ты заболела? — вырывается у меня. — Или с папой что-то?

Моргнув, она убирает руку.

— Что? Нет! С чего ты взяла?

— Тогда почему... — Я умолкаю — появившийся у столика улыбчивый официант подливает в наши стаканы воды из серебряного кувшина.

— Добрый вечер, дамы. Могу я посоветовать вам блюдо дня?

Я украдкой наблюдаю за матерью поверх меню, пока тот оттарабанивает заученный текст. Она определенно напряжена, пальцы по-прежнему сжимают мертвой хваткой почти пустой бокал, однако я ошиблась с тем, что новости плохие. Темно-синие глаза ярко блестят, уголки губ приподняты — ну, почти. Это не страх, а предвкушение. Что могло так осчастливить маму помимо того, что я вдруг волшебным образом получила бы высший балл по всем предметам и вырвалась в первые ученицы?

Деньги, больше ничего. Вся ее жизнь вращается вокруг них — точнее, вокруг того, что ей их постоянно мало. Притом и у нее, и у папы хорошая работа. Он, хотя и женился снова, никогда на меня не скупится, а его вторая жена Сурья — полная противоположность классической злобной мачехи во всех отношениях, включая финансовые, и не имеет ничего против крупных чеков, которые он высылает каждый месяц.

Однако на Манхэттене просто «хорошего» недостаточно. И это не то, к чему мать привыкла с детства.

Наверное, получила повышение, решаю я. Точно. Отличная новость — не считая того, что опять придется вы-

слушивать, как все это достается тяжким трудом и, кстати, почему бы мне самой не заниматься прилежнее, причем буквально по каждому предмету?

— Я буду салат «Цезарь» с курицей. Без анчоусов, заправку не перемешивайте. — Мама возвращает меню официанту, даже не взглянув на него. — И еще бокал «Ланглуа-Шато», пожалуйста.

— Очень хорошо. А что будет юная леди?

— Рибай на косточке, средней прожарки, и гору печеной картошки.

Хоть поем вкусно.

Официант удаляется. Мать осушает свой бокал, я допиваю воду. Мочевой пузырь у меня и так полон от сельтерской в баре, и я уже собираюсь отойти в туалет, когда мама говорит:

— Я получила сегодня крайне любопытное письмо.

Вот оно.

— Да? — Не дождавшись ответа, я подгоняю ее: — И про чего там?

— Про что, — автоматически поправляет она. Ее пальцы гладят ножку бокала, уголки губ еще чуть приподнимаются. — Это от твоей бабушки.

Я моргаю:

— От Баба́?

И к чему тогда все приготовления? Конечно, та нечасто с ней контактирует, но не такой уж это беспрецедентный случай. Бабушка вообще любит, например, пересылать что-то прочитанное тем, кого, по ее мнению, это тоже может заинтересовать, и мама по-прежнему входит в круг ее адресатов, даже после развода.

— Нет, от другой твоей бабушки.

— Что? — Я не верю своим ушам. — Ты получила письмо от... Милдред?

Для маминой матери у меня нет какого-то прозвища — бабуля, Мими, Нэна... Я вообще ее никогда никак не называла, потому что мы ни разу не виделись.

— Да.

Официант возвращается со вторым бокалом вина для мамы, и она удовлетворенно делает большой глоток. Я сижу в молчании, пытаюсь осознать услышанное. Образ другой бабушки все мое детство маячил где-то на горизонте, представляя собой скорее какой-то персонаж из сказок, чем настоящего человека, — богатая вдова Абрахама Стори, чей далекий прапра и так далее приплыл в Америку на «Мэйфлауэре». История моих предков интереснее любого романа: семья разбогатела на китобойном промысле, потом почти все потеряла на акциях железных дорог и в конце концов спустила остатки, купив землю на богом забытом крохотном островке у побережья Массачусетса.

Чаячий остров был мало кому известным прибежищем художников и хиппи, пока Абрахам Стори не превратил его в то, чем он является и сейчас, — местом, где богатые и почти знаменитые тратят умопомрачительные суммы на то, чтобы провести отпуск якобы поближе к природе.

Мама и трое ее братьев росли в огромном поместье Кэтминт-хаус на побережье, словно принцы и принцесса Чаячьего острова, скакали на лошадях и посещали торжественные приемы. Дома на камине у нас стоит фотография мамы в восемнадцать лет. На ней она выходит из лимузина, направляясь на традиционный летний бал, который ее родители устраивали на курорте каждый год. Волосы убраны в высокую прическу, белое бальное платье и потрясающее ожерелье из бриллиантов каплевидной формы. Милдред подарила его маме, когда той исполнилось семнадцать, и я думала, что и мне оно достанется в том же возрасте. Однако — нет. Хотя мама его не носит.

Дедушка умер, когда мама оканчивала школу. Через два года Милдред оборвала с детьми все связи, перестала поддерживать их финансово и общаться лично. Объяснение состояло из письма с одной фразой, переданного за две недели до Рождества через юриста Дональда Кэмде-

на, которого мама и ее братья знали с детства: *«Вам известно, что вы сделали»*.

Мама всегда настаивала, что понятия не имеет, о чем речь. Как она говорила мне:

— Наверное, мы повели себя слишком... эгоистично. Все четверо уже учились в колледже, у нас начиналась своя жизнь. Матушке было одиноко после смерти отца, она все время просила нас приехать, но нам не особенно хотелось. — Она звала мать матушкой, словно героиня викторианского романа. — Даже на День благодарения никто у нее не появился, у всех были другие планы. Она разозлилась, конечно, но... — Здесь взгляд мамы всегда становился задумчивым, отстраненным. — Это ведь такая мелочь. Не то, чего нельзя простить.

Если бы Абрахам Стори не позаботился заранее о деньгах на образование детей, они могли бы и вовсе не окончить колледж. Однако потом все четверо оказались предоставлены сами себе. Сперва они то и дело пытались восстановить отношения с Милдред, осаждали Дональда Кэмдена, но тот лишь время от времени отвечал по электронной почте, что решение остается неизменным. Они посылали приглашения на свои свадьбы, извещения о рождении детей... Даже ездили по очереди на Чаячий остров, где по-прежнему живет бабушка, однако она так и не согласилась ни встречаться, ни говорить с ними. В детстве я часто представляла, как она однажды появится у нас дома, рассыпая меха и драгоценности, и объявит, что пришла за мной, названной в ее честь. Мы отправимся в магазин игрушек, и там она купит мне всего, чего я только пожелаю, а в придачу вручит мешок денег для родителей.

Уверена, маме тоже представлялось что-то подобное. Иначе зачем награждать девочку, родившуюся в двадцать первом веке, именем Милдред? Однако бабушка, с помощью Дональда Кэмдена, пресекала любую попытку детей вновь сблизиться с ней. В конце концов они прекратили бесполезные старания.

Мама, кажется, ждет от меня какой-то реакции.

— Значит, Милдред написала тебе?

Она кивает, потом откашливается:

— Ну, если быть точной, не мне, а тебе.

— Мне?

Кажется, за последние пять минут я растеряла весь свой словарный запас.

— На конверте мое имя, но само письмо для тебя.

В голове всплывает то, о чем мечталось десять лет назад: я вдвоем с никогда не виденной бабушкой набиваю доверху магазинную тележку плюшевыми игрушками. Мы обе разодеты как в оперу — диадемы и прочее... Вернувшись с небес на землю, я пытаюсь найти хоть какие-то слова.

— Оно... ну это... о чем вообще?

Мама запускает руку в сумочку, вытаскивает конверт и подталкивает ко мне через стол.

— Наверное, проще будет, если ты сама прочтешь.

Открыв клапан, я вытаскиваю сложенный листок плотной желтоватой бумаги с едва различимым ароматом сирени. Наверху вытиснены инициалы ММС — Милдред Маргарет Стори. Нас с бабушкой зовут практически одинаково, только у меня еще в конце «-Такахаси». Несколько коротких абзацев печатного текста заканчиваются убогой подписью с острыми росчерками.

Дорогая Милли!

Мы с тобой, как ты знаешь, никогда не встречались. Причины непросты, но с течением времени они стали казаться менее важными, чем прежде. Сейчас, когда ты стоишь на пороге взрослой жизни, мне захотелось узнать тебя поближе.

Я владею популярным курортным отелем на Чаячьем острове и хочу пригласить тебя и твоих двоюродных брата и сестру, Джону и Обри, провести здесь лето в качестве моих помощников. Ваши родители подростками тоже всегда работали на курорте, и это шло им только на пользу.

Уверена, вы также многое почерпнете из каникул на Чаячем острове. Мне тяжело общаться с гостями в течение долгого времени, а так я смогу познакомиться с вами как следует.

Надеюсь, ты примешь мое приглашение. Уладить все технические вопросы поможет координатор по найму временных работников Эдвард Франклин. Связаться с ним можно по указанному ниже адресу электронной почты.

Остаюсь искренне твоя,

Милдред Стори.

Перечитав письмо дважды, я складываю листок обратно и кладу на стол. Глаз я не поднимаю, но буквально чувствую на себе взгляд матери, ждущей моей реакции. Мне уже действительно нужно в туалет, но приходится еще глотнуть воды, чтобы смочить горло — только тогда у меня наконец вырывается:

— Она что — всерьез со всей этой хренью?!

Мама явно ожидала не этого.

— Извини?..

— Ну давай уточним, — говорю я, запихивая письмо обратно в конверт и чувствуя, как пламенеют щеки. — Женщина, которую я никогда не видела, которая без оглядки вычеркнула тебя из своей жизни, не явилась ни на свадьбу, ни на мои крестины и вообще ни на одно семейное событие за двадцать четыре года, от которой не было ни единого звонка или письма, не считая этого, — и она хочет, чтобы я отправилась работать в ее отеле?!

— По-моему, ты неверно смотришь на вещи, Милли.

— И как же я должна на них смотреть?! — Мой голос повышается почти до визга.

— Ш-ш. — Мама беспокойно оглядывается кругом. Она не выносит сцен. — Как на предоставившуюся возможность.

— Возможность чего?

Мама мнетя, крутя на пальце кольцо с крупным камнем — однако оно и в подметки не годится виденному

мной на старой фотографии бабушкиному изумрудному перстню. До меня вдруг доходит.

— Нет, стоп, не отвечай. Это неправильный вопрос. Правильный — не чего, а кого?

— Для кого. — Видимо, не поправлять меня выше ее сил.

— По-твоему, это шанс вернуть себе ее благосклонность? Чтобы она переприняла тебя обратно?

— Нет такого слова — «переприняла».

— Господи, мам, может, хватит?! Речь не о том, правильно или неправильно я говорю!

— Извини.

От удивления я не могу закончить начатую гневную тираду. Глаза у мамы блестят по-прежнему, но теперь в них видны слезы.

— Просто... она ведь моя мать, Милли. Я столько лет ждала от нее хоть каких-то телодвижений. Я не знаю, почему сейчас, почему ты, почему именно так, но она наконец-то попыталась установить контакт. Если не откликнуться сейчас, другого шанса может не быть.

— Шанса на что?

— Снова стать родными.

«Да и наплевать!» — вертится у меня на языке, но я сдерживаюсь. «И без нее прекрасно обходились все это время», — хочу сказать я, однако это неправда. Рядом, сколько я себя помню, всегда была словно какая-то незаполненная пустота, оставленная Милдред Стори. В результате мама стала всех держать на расстоянии, не подпуская близко — даже отца, которого, я точно знаю, любила настолько, насколько вообще способна. Маленькой я, видя их вместе, мечтала о таких же отношениях. Однако когда подросла, стала замечать, как она понемногу отталкивает его, не отвечая на ласки, задерживаясь на работе и приходя, когда мы уже легли спать, отказываясь от семейных походов куда-нибудь под предлогом мигреней, которые почему-то проявлялись только дома. Постепенно холодность и закрытость переросли в придирки на